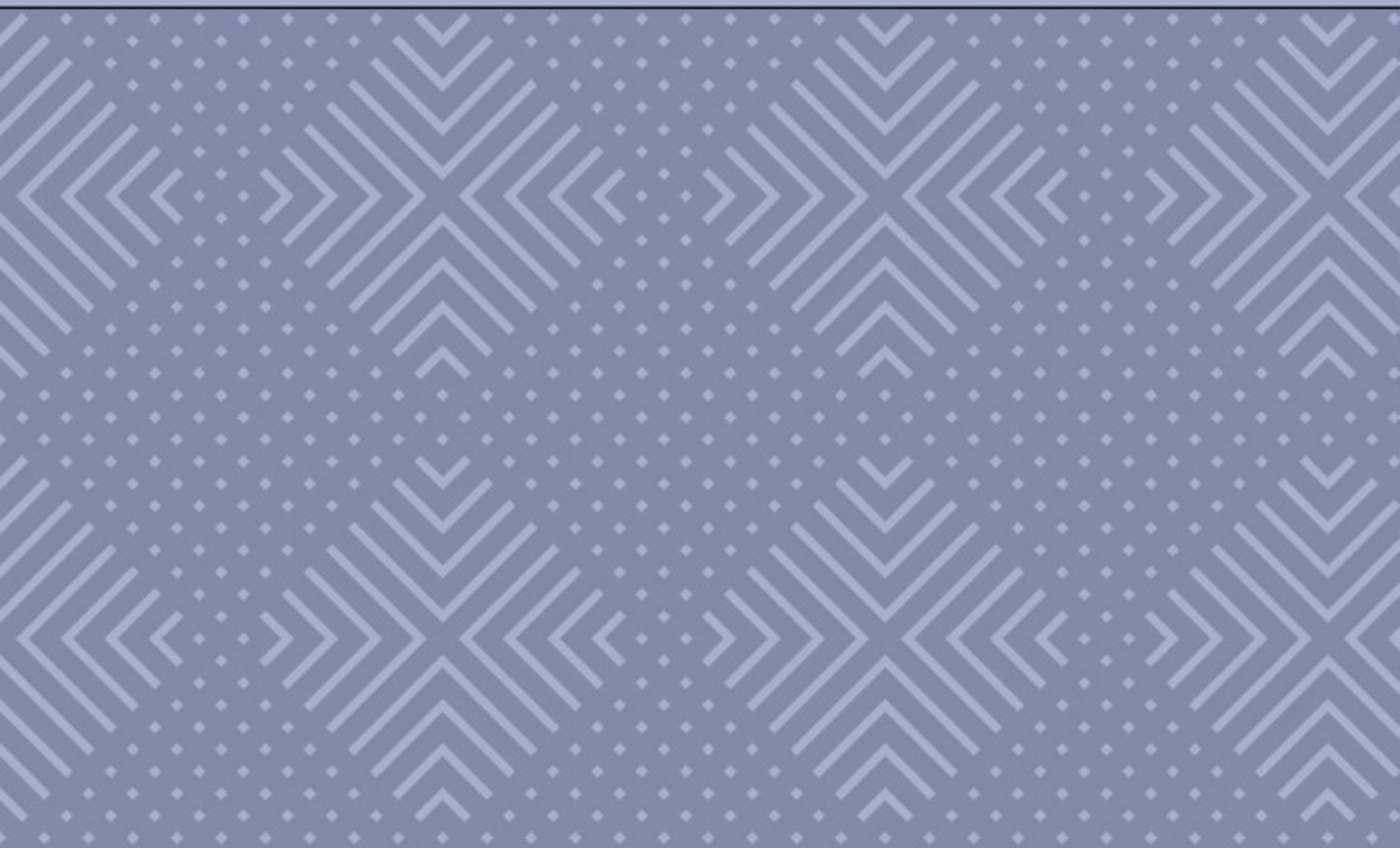

Султанбек Ибрагимов

Долгая дорога в никуда

Том 1

Султанбек Ибрагимов

Долгая дорога в никуда. Том 1

«Издательские решения»

Ибрагимов С.

Долгая дорога в никуда. Том 1 / С. Ибрагимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505075-5

Книга рассказывает о двух героях, которые в период распада СССР налаживали свою жизнь. Роман описывает жизненные трудности героев и разные истории.

ISBN 978-5-00-505075-5

© Ибрагимов С.
© Издательские решения

Содержание

ПЕРВЫЙ ТОМ	6
ДОЛГАЯ ДОРОГА В НИКУДА	7
ЧАСТЬ I 2	8
ЧАСТЬ I	9
УЗБЕКИСТАН	9
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Долгая дорога в никуда Том 1

Султанбек Ибрагимов

© Султанбек Ибрагимов, 2019

ISBN 978-5-0050-5075-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-5035-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВЫЙ ТОМ

ДОЛГАЯ ДОРОГА В НИКУДА

ЧАСТЬ I 2

УЗБЕКИСТАН 2

Глава 1	2
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	54
Глава 8	68
Глава 9	89

ЧАСТЬ I

УЗБЕКИСТАН

Глава 1

Восемнадцать с лишним лет прошло с того дня, когда он в такое же холодное, как и сегодня осеннее утро должен был принять поворотное решение о дальнейшей своей судьбе. Стояла поздняя осень, с утра подмораживало, светило яркое солнце, поднявшееся полчасу тому назад.

1996 год... Ему недавно исполнился 31 год. Казалось, жизнь сложилась, а может быть не совсем, – промелькнула язвительная мысль в дальних уголочках его сознания. Эта мысль особенно часто посещала его в последнее время, хотя он старался отбросить ее.

В тот день ему потребовалось чуть меньше часа и две-три выкуранные сигареты для принятия решения. Накануне вечером он вернулся с работы после семи вечера. Не успел еще переодеться, как со двора услышал крик соседского мальчишки.

– Уктам-ака, Уктам-ака!

Выйдя на зов, он увидел Джерика – сына своего друга и соседа Касыма.

Не дав ему и слова сказать, Джерик скороговоркой выпалил:

– Уктам-ака, папа Вас зовет, папа Вас зовет.

– Что случилось?

– Ничего не случилось. Папа зовет Вас на ужин, потом хочет в нарды сыграть, идемте скорей.

Касым был не просто сосед. Они были одноклассники и близкие друзья. Жили на одной улице, в десятке домов друг от друга.

С тех пор как он стал заниматься «бизнесом», как он сам говорил, шутя, а на самом деле стал обычным торгашом-«челночником», он зажил неплохо, в полном достатке. Особенно не шиковал, но мог позволить себе раз или другой в неделю позвать друга или компанию друзей к себе в гости. Накрыть дастархан с хорошей закуской под холодненькую водочку.

Четвертый год заканчивался, как он стал заниматься торговлей. Куда он только не ездил, куда только не закидывала его судьба «челночная» – Россия, Украина, Польша, Киргизия, Казахстан и еще какие-то страны. Месяцами он рыскал в дальних краях с двумя-тремя сумками огромных размеров в сине-красную клеточку, между городами и рынками, как волк в поисках добычи.

Казалось бы: вот это жизнь —купил здесь, продал там, получил навар, не жизнь, а сказка. Но мало кто знал, какой это адский труд, рискованный и порой даже опасный не только для бизнеса, но и для жизни. И каждый раз в такие дни в отчаянии и в ярости он говорил себе: «Все, баста, это последняя поездка. Вернусь домой, отдохну недельки две-три, найду работу какую-нибудь и буду жить спокойно». Приехав домой, первые дни он еще подумывал об этом, но проходило несколько дней, отпускала усталость, куда-то исчезала злость, и эти мысли постепенно улетучивались, как дым от только что выкуренной сигареты.

К тому же полученные денежки, шуршащие в кармане, помогали отгонять эти, казалось, теперь уже нелепые мысли. Ну а после нескольких посиделок с друзьями, отмечая удачную поездку или другое событие, он уже совершенно забывал обо всех тяготах челночной жизни. К тому же и пустеющий карман напоминал о себе.

Да и чем бы он здесь занимался? Работы нет, местный рынок занят, здешние торгаши клянутся, что работают в убыток себе. Хотя он прекрасно знал цену торгашеской клятвы, но все равно не мог работать здесь, в своем городе. А пойти простым работягой он теперь уже ни за что не хотел. И поэтому через неделю-другую опять собирался в дальний путь.

Друзей у Касыма было много. Всех он любил и уважал, но особенно выделял Уктам, да и Уктам отвечал взаимностью. Частенько они сидели вместе – выпивали, болтали о том о сем,

перекидывались в нарды или играли в шахматы. Вот и сегодня Касыму, наверное, захотелось посидеть вдвоем.

Уктам был рад не только приглашению, но и тому, что появилась причина не ужинать дома. В последнее время ему все тягостнее было находиться в кругу семьи. Смотреть на озабоченное и молчаливое лицо матери. Слышать невеселый, раздражённый голос жены, все чаще беспричинно одергивающей детей. Поводом, как правило, были деньги. Не то чтобы их совсем не было, но постоянно не хватало, особенно в последнее время.

Год от года легче не становилось, появлялись новые трудности. Все взрослые в доме работали: он, жена, мама получала неплохую пенсию, — как-никак, Заслуженный учитель республики. Только двое его детей были на иждивении. Бедствовать, конечно, не бедствовали. Но не хватало то одного, то другого. Цены росли с невероятной скоростью, а зарплата не увеличивалась. Ни мать, ни жена, конечно, ни в чем его не упрекали, наоборот, как могли, поддерживали. Тем не менее Уктам чувствовал какую-то свою вину. Все-таки он единственный мужчина в доме. Он ответственен за все, он должен обеспечивать семью. А как? Не воровать же идти, в конце концов.

— Что же делать? — все время крутилась мысль у него в мозгу в последнее время, и он ничего не мог с этим поделать.

— Хорошо, Джерик, сейчас переоденусь и приду. Если хочешь — подожди, пойдем вместе, — ответил он пацану.

— Нет, Уктам-ака, я пойду — у меня дела, — скороговоркой выпалил мальчик. — А вы идите, да побыстрее — папа давно ждет Вас. Я уже второй раз прихожу за Вами. Папа сказал, чтобы я сходил еще раз, а то тетушка Фатима забудет сказать Вам. Ну, я побежал, — крикнул он, убегая.

— Ну и постреленок — шустрый как юла, — подумал Уктам, входя в спальню. Не спеша переоделся в домашнюю спортивную одежду, взял из кармана пиджака сигареты со спичками. Уже в коридоре столкнулся с женой.

— Я к Касыму, — ответил он на вопросительный взгляд жены.

— Догадалась. Слышала. Ужинать самим?

— Да, конечно, меня же на ужин приглашают.

— И на выпивку... Долго не задерживайтесь — завтра Вам на работу.

— Постараюсь, — буркнул он, уже выходя.

Пройдя через калитку, Уктам на секунду остановился перед полуоткрытой дверью в далан. Она чуть скрипнула, когда он ступил внутрь.

— Уктам, дружище, салам алейкум, дорогой! — улыбаясь, шел ему навстречу с нетерпением ожидавший хозяин.

— Здравствуй, Касым! — с улыбкой приветствовал он друга.

Пожимая руки и обнимаясь, они расспрашивали друг друга о жизни и делах.

— Ну, давай рассказывай, как дела, как поездка.

— Все нормально, Уктам, все хорошо. Проходи в дом. Давай в зал, там поговорим за дастарханом.

Слегка подталкивая одной рукой, он повел друга во внутренние комнаты. В большой и просторной комнате, куда они вошли, все уже было приготовлено. На длинной и не очень широкой хан-тахте был накрыт дастархан со всевозможной снедью. Пообеим сторонам хан-тахты были настланы плотные покрывала — курпачи, сшитые из золотисто-красной парчовой ткани. Из такой же ткани были балыши — подушки-кругляши, уложенные штабелями на одном конце курпачи.

— Присаживайся поудобнее, — хлопотал хозяин.

— Вот возьми балыши, — сказал он, подкинув ему подушки, заодно прихватив и для себя. Усевшись ближе к центру стола, подложив сбоку сразу два балыша, Уктам только теперь

обратил внимание на стол и очень удивился. Он был сервирован, по крайней мере, человек на восемь или десять.

Центр стола занимала стопка больших лепешек, чуть ли не полуметр в диаметре, белых и ароматно пахнущих тмином. Рядом – роскошная хрустальная ваза с фруктами, вокруг множество мелких блюд с сухофруктами, сладостями и конфетами. Две тарелочки побольше – одна со свежими помидорами, другая с огурцами и луком, очищенным от шелухи. Еще на одной был аккуратно уложен чеснок и красный жгучий перец. В салатницах красиво разложены соленья.

– Ты гостей ждешь? Ребят, что ли пригласил? – спросил Уктам, изумленно оглядывая стол.

– Да нет, никого не жду. Только тебя пригласил, – улыбаясь, ответил Касым.

– А зачем тогда все это? К чему такая помпезность? – еще больше удивился Уктам.

– Да как тебе сказать? В общем, я хотел всех ребят собрать, но в последний момент передумал. И знаешь, почему? – ответил вопросом на вопрос Касым.

– Нет. Случилось что?

– Да нет, ничего не случилось. Просто я хотел с тобой поговорить об одном деле, а если все соберутся, какой там разговор, —одна пьянка.

– Что за дело? О чем ты? – удивился Уктам.

– Позже. Сейчас давай выпьем по маленькой, закусим, чем бог послал, как говорят русские, а потом поговорим.

– Ты меня заинтриговал. О чем ты хочешь поговорить? – не унимался Уктам.

– Да успокойся, Уктамчик, я сказал, – все по порядку. Сначала обед – потом война. Лучше возьми нож. Вот помидоры, лук, перчик – сделай салат по-дехкански. А я пойду, потороплю жену, – сказал Касым, протягивая ему небольшой кухонный ножик. – А еще надо принести самое главное, чего здесь не хватает.

– Интересно, о чем он хочет со мной поговорить? —думал Уктам, не спеша, но с умением нарезая овощи тонкими ломтиками. О чем или, может, о ком? —навязчиво крутились мысли. Спустя некоторое время Касым вернулся, неся в одной руке две бутылки водки, а в другой – «Кока-колу» и минеральную воду.

– Ну вот, теперь все на месте. Заканчивай побыстрее с салатом, жена уже горячее несет. А я горячительное открою, – сказал он, беря одну из бутылок. И действительно он еще не успел крошить перец поверх салата, как открылась дверь, и вошла Насипа- жена Касыма.

– Здравствуйте, Уктам-ака, – улыбаясь, поздоровалась она, при этом аккуратно размещая ароматно пахнущее блюдо посреди дастархана, как раз перед мужем и гостем.

– Как у вас дела, Уктам-ака, как дети, как поживают ваша мама —тетушка Фатима, как Джамиля – подруга моя? – щебетала она, не давая ему слово выговорить.

– Спасибо, Насипа, все хорошо. Джамиля привет передавала, – соврал он, не зная зачем.

– Эсен болсин, и ей от меня привет передайте. Кушайте на здоровье. Кушайте. Ош болсин, – проговорила Насипа, покидая их.

Блюдо пахло изумительно. Это была домлама из баранины с овощами, густо заправленная специями. Аромат зиры слегка перебивал остальные запахи, сильно возбуждая аппетит. Пока Касым разливал водку и напитки по пиалам, Уктам дорезал перчик малюсенькими колечками и половину посыпал на салат из помидоров, лука и чеснока, а другую половину оставил, чтобы добавить, в случае если не очень остро получится. Огурцы он порезал вдоль, положил на отдельную тарелку и слегка посолил.

– Ну, давай. Ставь салат сюда. Давай выпьем, – сказал Касым, протягивая ему маленькую пиалу, чуть ли не доверху наполненную водкой, за ней сразу подал пиалу побольше с напитком. Обе пиалы были одинаковой расцветки – сине-белые с узором в виде коробочки хлопка.

– Ну, давай. За что будем пить?

– Как за что? За твой приезд, за удачу в твоих делах.

– Нет, нет! Пстой, давай лучше за нас, за нашу дружбу, а потом за остальное.

– Ну, хорошо, давай за нас.

– За нас, – чуть ли не одновременно воскликнули оба и, чокнувшись пиалами, опрокинули содержимое в рот.

Касым, чуть поморщившись, быстро схватил вилкой свежий салат и тоже отправил в рот. Пожевав салат, поморщился еще больше.

– Ух ты. Ну и перчик, во рту горит, – произнес он, чуть ли не в слезах.

Уктам, в отличие от него, выпил водку залпом и быстро запил напитком.

– Между прочим, водку не надо запивать, —лучше закусывать. Это еще профессор Преображенский сказал, – заметил Касым

– Кто-кто? – не понял Уктам.

– Профессор Преображенский из «Собачьего сердца». Не помнишь что ли, он еще ассистента своего – Борменталья, наставлял.

– А-а. Понятно, – пробурчал Уктам.

– Что понятно? Давай, бери мясо, пока не остыло. И сам, показывая пример, выхватил вилкой жирную пластину бараньих ребрышек.

Уктам, последовав его примеру, тоже переложил себе в тарелку небольшой кусок баранины, картофеля, помидорчик и кусочек моркови.

– Давай теперь выпьем за наши семьи, за матерей, – Касым быстрым движением налил по второй.

– Ну, давай, – поддержал Уктам.

Еще раз чокнулись, выпили и закусили.

– А теперь давай за наших жен и детей, – Касым стал разливать по третьей.

– Да подожди ты! Дай отдышаться, – попытался остановить его Уктам.

– Что мы выпили?! Ничего мы еще не пили! Давай еще по одной за жен и детей, а потом покушаем.

– Ну, ладно, —уговорил, – согласился Уктам. Хотя уговаривать было необязательно. Выпили стали закусывать, в основном, отдавая предпочтение домламе.

– Очень, очень вкусно, – еле проговорил Уктам с плотно набитым ртом.

– Кто готовил, ты или Насиба?

– Конечно я, женщины разве так умеют готовить? Они об экономии думают, а не о вкусе.

– Да, здесь ты прав на все сто процентов, – согласился Уктам.

Увлечшись едой, Уктам не обратил сначала внимания, что Касым налил остаток водки из первой бутылки себе и стал открывать вторую бутылку.

– Хватит, Касым, не открывай. Больше не будем, – попытался он остановить друга. Получилось это у него не совсем убедительно. Касым, не моргнув глазом, спокойно открыл бутылку, наполнил свою пиалу чуть ли не краев, потом налил Уктаму побольше. Взял пиалу левой рукой и поставил на открытую ладонь правой руки. Хмель уже чувствовался в его речи и движениях. Да и Уктам чувствовал, что водка делает свое дело.

– Касым, может, хватит, – еще раз попробовал он остановить друга.

– Ты что, подожди, вот эту тоже выпьем. Выпьем за тебя, за твои успехи.

– Ты что, смеешься?! Какие у меня успехи? – обиделся Уктам.

– Ты не обижайся, Уктам, я еще не пьяный, —знаю, что говорю. Выпьем за твои будущие успехи. Ты знаешь, о чем я? Давай выпьем, потом поговорим, и он протянул руку, держа на ладони пиалу с водкой.

Уктам только теперь догадался, о чем с ним хочет поговорить Касым. Последний раз они говорили на эту тему давно, более полугода назад. Как-то в начале весны Касым, вернувшись из очередной своей челночной поездки, собрал друзей у себя. Между разговорами о том, о сем

Уктам пожаловался, что в колхозе, где он работал, с каждым годом становится все хуже и хуже. Зарплата маленькая, и ту вовремя не выдают, про премии вообще забыли, даже сверхурочные урезали практически наполовину.

Касым, как всегда, перебил его: «Так тебе и надо! Который год я тебе говорю, зачем тебе эта работа, что ты вцепился в нее, или председателем колхоза хочешь стать? Уходи из колхоза. Пошли со мной челноком работать. А ты —ни в-какую. Еще раз я тебе предлагаю, брось эту работу, поехали со мной». Все посмеялись, кто-то поддержал Касыма, кто-то был против него, потом разговор перешел на другую тему и об этом забыли. Но Касым не забыл, через два-три он как бы случайно встретил Уктама возле его дома. Скорее всего, он специально ждал его. Уктам пригласил друга в дом, он отказался, сославшись на какие-то дела. Поговорили о том, о сем, и Касым опять вернулся к этой теме. Уктам не готов был к этому разговору и не знал, что ответить. Обещал подумать. Тогда он воспринял это не очень серьезно, хотя мысль об этом не раз посещала его. Да и Касым как-то на эту тему больше разговор не заводил. Видимо, своих проблем хватало. Скорее всего, Касым сейчас хочет об этом поговорить.

– Ну, давай! Что призадумался, казак молодой? Поднимай пиалу, вот так держи на ладони, – вывел его Касым из задумчивости.

– Да, конечно, – сказал он, ставя пиалу на середину правой ладони.

– Выпьем, Уктам, за наши с тобой будущие успехи.

Плавным боковым движением рук они чокнулись пиалами, и от этого чоканья в воздухе повис мелодичный звон соударяющегося фарфора.

Залпом выпили и не спеша приступили к еде.

– Ты, наверное, догадался, о чем я хочу с тобой поговорить, – начал опять Касым.

– Да, теперь догадался, – ответил он, с интересом глядя на друга.

Они были ровесниками друзьями, одноклассниками и соседями. Даже в детский сад ходили в один и тот же. Но они были разные во всем.

Уктам был худощавый, чуть выше среднего роста, рано начавший терять свои темно-русые под цвет глаз волосы, небольшой, чуть заостренный нос над узковатыми губами, узкий подбородок и слабо выделяющиеся скулы на светлой коже лица. Ни дать ни взять Ален Делон, как часто подшучивали над ним друзья. Человек он был неконфликтный, с мягким характером. Касым же наоборот – роста ниже среднего, широкоплечий, с накачанными бицепсами. Волосы черные, прямые, стриженные «ежиком». Чуть раскосые черные глаза на скуластом лице, кожа шоколадного цвета, маленький ноздрястый нос и небольшие губы указывали на его не то монгольские, не то кыпчакские корни. Несмотря на невысокий рост, Касым обладал неумейной энергией и силой. Сангвиник, нетерпеливый, со вспыльчивым, но отходчивым характером. За какое бы дело ни взялся, старался довести до конца, во что бы то ни стало.

– Ну, рассказывай, как у тебя дела, как успехи, как работается в твоём этом, так сказать, передовом колхозе.

– Да вроде бы ничего, – ответил Уктам, делая вид, что не заметил его иронии.

– Вот именно что ничего. Ничего ни у тебя, ни у твоего колхоза не в порядке.

– Развалится твой колхоз не сегодня, так завтра. Да не только твой, всем колхозам пришел конец, это и ежу понятно. Вот только ты понять этого не хочешь, не знаю почему. Не понимаю тебя, ты молодой парень с высшим образованием да еще с головой на плечах все еще цепляешься за эту работу. Работаешь с раннего утра до позднего вечера, даже по выходным, а зарплата мизерная и ту не вовремя выплачивают. Что, разве я не прав?

Действительно Уктам было нечем возразить. Все шло к этому. Вот уже шестой год, как не стало Советского Союза. Огромной сверхдержавы. Многие, особенно простой народ, до сих пор еще не понимали до конца, что теперь будет, как дальше жить. Надеялись, что все образуется само собой. СНГ образовали, может, заново будем объединяться, может, еще что. Ста-

рались не думать о худшем. Надеялись на лучшее. Но с каждым годом становилось все хуже и хуже.

Началось это, конечно, не сегодня, а гораздо раньше, — еще в середине восьмидесятых. Тогда появились первые признаки того, что у нас не всё так, как хотелось бы. Только мало кто в то время обращал на это внимание, не только в сельской местности. Так было везде по всему Советскому Союзу, вроде бы всего было достаточно, все было в изобилии, всего хватало. Люди жили в радости, особенно старшее поколение, повидавшее войну. На их долю выпали все тяготы: и голод, и холод, и разруха, и смерть. И поэтому теперешняя скромная жизнь казалась им раем. Да и молодым не на что было жаловаться. Все у них было: хочешь учиться — учись, хочешь работать — работай. Как говорили тогда: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет».

В общем, так оно и было, если не считать некоторых нюансов. А нюансы заключались в том, что сначала понемногу, с оглядкой по сторонам, а потом все наглее начало процветать казнокрадство, кумовство и взяточничество. А с середины семидесятых и, особенно, в начале восьмидесятых, это явление приобрело колоссальные масштабы. Но и это тоже мало заботило простых людей. Жили в основном неплохо. Колбасу, сыры и прочие деликатесы употребляли по праздникам, количество которых тоже было немалым. Мясо покупали у махаллинского мясника по пять рублей за килограмм, а о том, что его могут продавать за рубль восемьдесят копеек в гастрономах больших городов, они даже не подозревали. А еще помогал свой огород, своя живность. Так что жили тогда неплохо. Вот только антиалкогольная кампания при Горбачеве повлияла на благосостояние людей. Это была настоящая беда не только для народа, но и для государства. Сколько денег не досчитался бюджет, сколько гектаров виноградников порубили крестьяне по всему Союзу, — один Аллах знает. И что? Разве пить бросили? Нет, конечно. Наоборот стали употреблять разную гадость, начиная от технического спирта, кончая разными химическими или аптечными препаратами. Но ничего выжили и еще как! Зато узбеки научились самогон варить, не хуже, чем русские или украинцы.

А потом грянула беда. Август 1991 года. Развал Союза Советских Социалистических Республик — огромной необъятной страны, Родины многих и многих людей. Это был как гром среди ясного неба! Нет, скорее, как цунами в тихую безветренную погоду. Многие были в растерянности, особенно чиновники и бюрократы. Правда, они были еще раньше напуганы возникшими за год или два до тех событий на фоне горбачевской перестройки разного рода не то демократическими, не то псевдодемократическими движениями, такими как «Бирлик», «Эрк» и прочими. К тому же в это время и «ваххабитская» зараза дала первые ростки. А это была страшнее любой чумы. В общем, положение было не завидное не только у нас, но и во всех союзных республиках.

Усугублялось все это еще и националистическими идеями, очень умело и главное вовремя подброшенными извне в умы некоторой части общества. События, произошедшие в 1989 и 1990 годах в городе Фергане, затем в Букинском районе Ташкентской области между узбеками и турками-месхетинцами, столкновение между киргизами и узбеками в городе Оше и Джалал-Абаде, — это были звенья одной цепи, результатом четко спланированной и умело организованной провокации. Кому это надо было и главное зачем, так и осталось тайной. Было ясно одно: все эти трагические события были запланированы где-то далеко за пределами Узбекистана.

В то время ходили упорные слухи, что это была рука Москвы, точнее — КГБ. Но и если это и была «рука КГБ», то в виде завербованного западными спецслужбами сотрудника. Не в характере узбекского народа сеять рознь на национальной или религиозной почве. Веками на территории Узбекистана жили народы разных национальностей и религиозного вероисповедования, будь то отдельные ханства: Бухарское, Хивинское, Кокандское, государство под протекторатом Российской Империи, Туркестан, или СССР, никогда и ни при каких обстоя-

тельствах не случалось таких столкновений. Узбекский народ всегда отличался своим гостеприимством, благодушием к другим народам и веротерпимостью. И вот к 1991 году, получив независимость, оказался, как говорится, «у разбитого корыта». С отсталой экономикой, однобоко развитым аграрным сектором, направленным только на хлопководство, с технически отсталой промышленностью и населением более 23 миллионов, из которых более 70 процентов проживало в сельской местности.

Было от чего растеряться и чиновникам, и бюрократам и тем более руководителям различных рангов. Надо отдать должное Первому Президенту Узбекистана Исламу Абдуганиевичу Каримову. Ведь он в такой трудной обстановке и в такой сложный период смог вывести республику из кризиса, избежав бунтов и войн. Хотя в то время было немало попыток дестабилизации политической обстановки в республике. Президент как умный политик и опытный руководитель сумел справиться с этой сложной задачей.

Возможно, с точки зрения либерально настроенных конкурентов, это было не демократично, но события, происходившие впоследствии в других бывших Советских республиках, наглядно показали, что он выбрал единственно верный путь. Скольких жизней стоило президентство либерально-демократического президента Эльчибея в Азербайджане или грузинского президента Гамсахурдиа, тоже пришедшего к власти в результате демократических преобразований. Не говоря уже о Таджикистане, где к власти рвались бандиты-ваххабиты, поначалу требуя перевыборы, а потом развязав настоящую гражданскую войну. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы президент Каримов своевременно не вмешался и не помог бы таджикскому народу преодолеть эту ваххабитскую заразу. Он раньше других современных политиков понял, что ваххабизм — это страшное зло для человечества. И поэтому в первую очередь, Каримов избавил от участников ваххабитского движения во главе с пресловутым лидером Жума-намангани, который, к сожалению, смог избежать участи своих единоверцев, вовремя сбежав за границу. Большинство их были посажены в тюрьму. Эти люди настолько были отравлены учением лжепророка, жившего не то в 12, не то в 13 веке, что все равно, несмотря на колоссальное давление со стороны надзирателей, оперативных работников и даже религиозных авторитетов, не отрекались от своего кумира. Напротив эти фанатики чуть было не обратили весь тюремный контингент вместе с надзирателями в свою веру.

Вот с таким багажом в 1991 году Узбекистан приобрел независимость. Экономика и раньше находилась в плачевном состоянии, а после развала Союза, разрыва экономических отношений после 1991 года пошла совсем уж по наклонной. Одно за другим стали закрываться большие и небольшие предприятия, заводы и фабрики, все чаще можно было услышать слово «банкрот», появились первые безработные.

Единственные предприятия, которые кое-как сводили концы с концами, это колхозы. Хлопок — основная сельскохозяйственная культура республики, которую выращивали сельхозпредприятия. Это была единственная отрасль, приносящая доход, как государству, так и чиновникам всех рангов. И поэтому расставаться с таким «лакомым кусочком» никто не хотел. Чиновники придумывали различные дотации, кредитования или еще что-то в этом роде, лишь бы сохранить огонек угасающей жизни. Создание фермерских хозяйств их попросту пугало. Как отдать столько земли фермеру-дехканину? Как потом с него спросить? Как им управлять? А если не захочет сажать то, что от него потребуют, а посадит то, что будет приносить ему доход? Как быть тогда? И вообще намного легче управлять десятком председателей колхозов, чем несколькими сотнями или тысячами фермеров в одном районе. Как потом по копейке собирать с них дань, и согласятся ли они выплачивать? Чиновники всячески обманывали Президента, доказывая нецелесообразность единоличных фермерских хозяйств, говорили о том, что еще не настало их время. И вот, по окончании пяти лет, несмотря на то, что менялись председатели колхозов, менялись методы управления, состояние колхозов ухудшалось из года в год.

В одном из таких колхозов и работал Уктам. Восемь лет назад по окончании экономического факультета сельскохозяйственного института он по распределению сельхоз управления района был направлен в этот колхоз и остался там работать. Проработав три года, обязательных по распределению, он так свыкся с работой и коллективом, что не захотел ничего менять. К тому же правление колхоза было в получасе ходьбы. Колхоз тогда назывался «Путь Ильича», после был переименован в «Бостан», что означало цветущий, но он так и расцвел. Когда-то, а точнее в семидесятые и восьмидесятые годы колхоз был лидером. Со временем техника вся устарела, запчастей не хватало, цены на нефтепродукты были огромные, о новой технике мечтать не приходилось. В общем, колхоз выживал, как мог.

– Эй, парень. О чем задумался, – вывел его Касым из короткого оцепенения. – Я тебя спрашиваю. Я не прав?

– Нет, почему, ты прав. Прав, конечно.

– Ну, тогда что? Что тебя там удерживает? А-а, я догадался, —ты карьеру хочешь сделать. Председателем колхоза хочешь стать, а потом, чем черт не шутит, может и хокимом района, а? – Начал он подшучивать над другом

– Да брось ты, Касым, не иронизируй. Какой председатель, какой хоким, – слегка обиделся Уктам.

– Ну а что-тогда? Что так вцепился в этот свой колхоз? Скажи, в чем-тогда дело?

– Ну не знаю, не знаю, Касым.

– Чего ты не знаешь, Уктам? И вообще, что надо знать? Ты о себе, о своей семье подумай, – стал горячиться Касым. – Думаешь, я не знаю, как вам сейчас тяжело. Знаю и очень хорошо знаю. Ты, пожалуйста, не обижайся, ты мой друг и очень близкий друг, и поэтому я буду с тобой откровенен. Чего таить, что есть, то есть. Джамиля твоя на днях жаловалась моей Насибе и, кстати, не впервые, как в последнее время тяжело вам жить. Да и мама твоя тоже очень переживает. Ты, наверное, не знаешь, что в прошлый раз накануне моего отъезда я заходил к вам, хотел с тобой попрощаться, но ты до ночи задержался на работе, я не дождался тебя. Тогда мы с твоей мамой о многом поговорили: о жизни, о тебе и вообще, обо всем, что творится кругом. Хотя она напрямую и не говорила, но я прекрасно понял, как вам в последнее время тяжело. Я тебе как другу скажу – хватит, не тяни резину, она в любом случае порвется. Не сегодня, так завтра. Подумай хорошенько и решишь поменять свою жизнь. Если не хочешь челночить, как я, займись чем-нибудь другим.

– Интересно ты рассуждаешь, Касым! Чем еще я могу заняться в этом городе?

– Знаю, что нечем, поэтому я тебе и предлагаю заняться тем, чем занимаюсь сам. Как видишь, я неплохо зарабатываю, на хлеб с маслом хватает. А помнишь, как я жил четыре года назад, что у меня было? Ничего не было: дети полуголодные, раздетые, работы нет. Зарплаты жены вместе с маминой пенсией хватало на две недели, даже при жесткой экономии. А сейчас, как видишь, слава Аллаху, у меня все наладилось.

Уктам обо всем этом знал, видел, как Касым из года в год потихоньку поднимается. Года полтора назад приобрел автомобиль «шестерку», хоть и поддержанную, но в хорошем состоянии. Мебель купил. Жену, детей одевает очень прилично. И себе ни в чем не отказывает. Видел и радовался за друга, даже немного завидовал.

Касым тем временем, все настойчивей продолжал насаждать на Уктама.

– Не понимаю тебя, Уктам. Вроде бы ты умный парень, с высшим образованием, а простых вещей не понимаешь или не хочешь понять. Ты же прекрасно видишь, колхоз твой, да и не только твой, развалится не сегодня-завтра. Чего ты ждешь, не понимаю!

Помнится года три назад, когда Касым впервые предложил ему заняться челночным «бизнесом», тогда он и слушать не хотел, даже немного обиделся. Как это так – человек с высшим образованием и вдруг «челнок»?! —Он что с ума сошел, – думал он про друга, – что люди скажут? А теперь за какие-то два или три года эта мысль не казалось ему столь уж абсурдной.

Теперь уже многие стали этим заниматься, не этим так чем-то другим, лишь бы семью прокормить. И не только колхозные экономисты, каковым он являлся, но и учителя с высшим образованием, но мизерной зарплатой, инженеры, оставшиеся без работы, разного рода управленцы из обанкротившихся предприятий. Да мало ли кто. Всем надо было кушать, всем надо было кормить семьи.

Одни пошли в «челноки», другие – в торгаши на местный вещевой рынок или на колхозный базар, стали торговать овощами или фруктами. Более шустрые и ушлые обзавелись своими лавчонками или магазинчиками.

Но основная масса – это рабочие различной специализации, большая часть колхозников, специалисты средней руки, да и многие другие, оставшиеся без работы, пошли батрачить на стройках в бывших братских республиках. Тропинку проложили руководители строительных управлений и кооперативов. С середины семидесятых до развала СССР строительство в Узбекистане развивалось бурными темпами, да и не только в Узбекистане, на всей необъятной территории Союза шла неслыханная по масштабам стройка. Строились заводы и фабрики, нефте- и газопроводы, интенсивными темпами поднимались жилые дома. За два-три года возводились целые поселки с полной инфраструктурой и объектами культурного и бытового назначения.

Во всех районных центрах, в небольших городах, не говоря уже об областных центрах, было с десятков строительных организаций, а после горбачевской перестройки возникло большое количество строительных кооперативов. В Узбекистане в то время в строительстве было занято от 15 до 20 процентов трудоспособного населения республики. И вот все эти люди в одночасье стали никому не нужны. Постепенно к ним стали присоединяться рабочие и служащие из других отраслей производства, обанкротившихся заводов и фабрик или попавшие под сокращение.

Вот в такой непростой обстановке на свой страх и риск думающие о своих людях руководители строительных организаций и небольших строительных кооперативов стали налаживать межгосударственные отношения. Заключив договора, стали работать в соседних республиках – в Казахстане и Туркменистане. В начале девяностых в этих республиках было еще более или менее стабильное положение в первую очередь за счет природных ресурсов, в основном, за счет природного газа. Вначале ездили в Туркмению. Туркмены тогда за счет своего газа начали богатеть и бурно строиться. Особенно стали застраивать свою столицу — город Ашхабад. Строились и другие города, везде шло строительство, как будто не было никакого краха СССР.

Тысяча строителей из Узбекистана, сначала организованно по договорам трудились на просторах Туркмении. Чуть позже туда хлынуло еще несколько тысяч уже самостоятельных рабочих бригад или одиночников. Все эти бригады или одинокие рабочие находили себе работу в государственных строительных организациях Туркменистана или в частом секторе строительства. Но счастье это продолжалось недолго.

В 1995 году их Президент решил закрыть границы. Выпроводил всех узбекских гастарбайтеров, хотя тогда еще и слова такого не знали. Ввел визовой режим со всеми странами, в том числе и с ближайшими соседями. Не понятно, чем руководствовался этот человек, разрывая многовековые узы дружбы и братства между соседними народами. Возможно, он решил, что так будет лучше для туркменского народа. Если они будут меньше общаться с соседями, то в страну не попадет какая-нибудь демократическая зараза или еще хуже — идеи ваххабитов. Не понятно, зачем надо было рвать соседские и, самое главное, родственные отношения между двумя народами.

Возможно, причиной тому послужило то, что до 1924 года значительная часть территории нынешнего Туркменистана принадлежала Узбекистану. Сталин передал Ташхаузскую, Чарджоузскую и отдельные участки других областей, где до сих пор наибольшую часть населе-

ния составляют этнические узбеки. По-видимому, были опасения, что узбеки, проживающие в этих областях, со временем захотят вернуться назад. Поэтому он начал оголтелую политику «турменизации» республики.

Не понятно было, почему руководство Узбекистана, без каких-либо возражений приняло такую политику туркменского президента. Неужели их не волновало, что у большинства хорезмийцев есть родственники и друзья в Ташхаузской и Чарджоузской областях, что их связывают долголетние семейные узы, что у многих узбеков, проживающих в упомянутых областях, могилы предков находятся в Хорезмской области Узбекистана. Недаром народная мудрость гласит: «Сытому коту некогда думать о голодных мышах». И вот теперь, благодаря «мудрости» тех руководителей, гражданам обеих республик, чтобы посетить родственника или старого друга, живущего в нескольких десятках километров, приходится ездить за тысячу километров в столицу республики, чтобы получить визу. Их даже не смущало, что в это время Европейские государства стали сближаться, открывать границы, началось объединение в Евро-союз.

Как только захлопнулись двери Турменистана, народ потянулся в другие края. Сначала в Казахстан, потом в Россию, затем в Украину и даже до Польши дошли узбекские «челноки». По их стопам пошел рабочий народ – гастарбайтеры. Но в основном они работали в России.

Раньше, как только февральские холода уступали мартовской прохладе, и первые почки фруктовых деревьев начинали лопаться, а на солнечных склонах арыков начинала пробиваться первая зелень, дехкане готовились к пахоте, к посевной. А теперь большинство народа готовились к отъезду на работу. С наступлением настоящих теплых апрельских дней тысячи молодых и не очень молодых людей самолетами, поездами и автобусами, микроавтобусами и легковыми автомобилями отправлялись в дальние края на заработки, чтобы прокормить свои семьи.

Какие трудности и невзгоды преодолевали они на своем пути, — это отдельная история. Начиналось все с посадки в транспортные средства. Хозяева транспортных средств, чтобы побольше заработать, сажали чуть ли не вдвое больше пассажиров, чем предусмотрено правилами. А бедные работяги в стремлении хоть немного сэкономить соглашались ехать в битком набитом автобусе несколько дней. Преодолевая многочасовые ожидания на границах, беспричинные и бестолковые проверки таможенников-мздоимцев, откровенный полицейский рэкет на просторах Казахстана, претерпевая унижение и оскорбление, злость и отчаяние, они уезжали за три-четыре тысячи километров, где их ожидали не менее тяжкие испытания. И главное из этих испытаний – поиск работы. Это было очень трудной задачей, особенно в середине девяностых. Не имея ни знакомых, ни родных, ни крова над головой, ни денег, практически не зная языка, очень трудно было найти нормальную, достойно оплачиваемую работу. Да еще оформление документов, разного рода разрешения, и прочее. Тем не менее они ехали снова и снова, надеясь, что в этот раз им повезет. А сколько их обманывали различного рода аферисты и мошенники, люди с преступным прошлым.

С всевозможными обещаниями и посулами они входили в доверие к этим ни о чем не подозревающим работягам. Под 10 процентов отката «добренький дядя» обещал найти хорошо оплачиваемую работу. Получив их согласие, он покупал кое-какую еду, давал немного денег. Затем обещая устроить их на работу, исчезал, прихватив паспорта гастарбайтеров. Через 10—15 дней он, наконец, находит подходящего для себя работодателя, предварительно забирает у него по 200 или 300 долларов за каждого работника в счет их будущего аванса. Затем привозит рабочих на место работы. Хорошо, если с работодателем повезет, он окажется порядочным человеком. Но бывали и другие, которые не платили за работу, а просто выгоняли на улицу. К счастью, в России во все времена хороших людей было намного больше, чем плохих.

Челнокам приходилось не легче, — у них были свои трудности. Больше половины жизни они проводили в дороге с тяжелой ношей. У челноков были неподъемные тюки и баулы, гро-

мальные сумки с товаром, которые они должны были протащить в битком набитые людьми вагоны, следить за ними, если понадобится, даже драться за них. А еще бесконечные поборы по пути следования. Начиналось все с посадки в поезд, с билета, купленного чуть ли не вдвое дороже, с проводников, требующих мзду за каждую лишнюю сумку. Затем таможенники, сначала свои, затем казахские, голодными глазами смотрящие на бедного «челнока». У них тоже семьи. Чуть ли не полдня продолжался этот кошмар. Пережив все это, не следовало успокаиваться, – впереди просторная казахская степь с транспортной полицией не менее лютый, чем автодорожная. Только въехав на территорию Российской Федерации можно было немного расслабиться. Хотя и там хватало непорядочных людей, но по сравнению с казахстанцами они казались «ангелочками».

Обо всем этом Уктам имел очень смутное представление. Разговоры, слухи об этом были везде – на базаре, в чайханах, у парикмахера, который всегда был в центре событий. Но как-то не слишком вдавался в подробности, возможно, считал это преувеличением. Да и сами жертвы этого произвола мало распространялись об этом. И Касым, в том числе, не любил говорить на эту тему.

– Эй, ты слушаешь меня? – вывел его из раздумья Касым.

– Да, конечно, – встрепенулся Уктам.

– И о чем я тебе бую целый час?

– Да понял я тебя, Касым. Понял. Об этом сейчас и думаю.

– И что? До чего додумался? – изумленно взглянул Касым на Уктама

– Да не додумался ни до чего. Тебе сейчас легко говорить. Ты уже раскрутился в этом деле. Знаешь, что к чему. К тому же у меня и денег нет.

– Ты сперва реши для себя, будешь ты заниматься этим делом или нет. А на счет денег будем решать вместе. Кое в чем я помогу, кое-что сам найдешь.

– Допустим, я решусь. Но сколько денег надо будет, чтобы начать дело? Я же должен знать, хотя бы приблизительно.

– Чем больше, тем лучше. Шучу, конечно, но для начала как минимум тысячу долларов надо.

– Ну откуда у меня такие деньги, Касым?

– Знаю, что нет у тебя столько. Половину хотя бы ты сможешь достать? Подумай, может, у кого-нибудь занять или что-нибудь продать. Или хотя бы долларов 250—300 на дорожные расходы, на первые дни, на жилье и еду. Да мало ли какие могут быть расходы? А с товаром я тебе помогу. Есть знакомые торгаши, я познакомлю тебя с ними. Поручусь за тебя. Они товар в рассрочку будут давать. Главное, ты не подведи. Хотя я в тебя верю, ты не обманешь.

– Хорошо, я еще раз все обдумаю, на трезвую голову. Завтра я тебе дам окончательный ответ. Теперь пора отдыхать, поздно уже, засиделись мы с тобой. Время уже первый час ночи.

– Хорошо, Уктам, подумай еще раз хорошенько и, главное, учти одну вещь. Я тебя должен предупредить: занятие не из легких. Это очень трудное дело, требующее физической силы, твердой воли и разума. Не каждый может осилить это. Так что подумай хорошенько и не говори мне потом, что это я втянул тебя в это дело.

– Не скажу! У меня своя голова на плечах.

– Надеюсь, не скажешь. Наоборот, может, спасибо скажешь когда-нибудь.

– Я тоже на это надеюсь. А теперь, Аминь, – сказал он, молитвенно складывая руки.

– Пусть все наши начинания обернутся благом. Пусть будут так, Аминь, – повторил Касым.

Глава 2

Придя домой, Уктам лег рядом с женой. Заснуть сразу не удалось, мысли всё время крутились вокруг предложения Касыма. Жена, недовольно фыркнув, перевернулась на другой бок.

– Запах водки почувствовала, наверное, – подумал он. – Ну ладно, утро вечера мудренее. Хватит об этом, завтра буду думать с утра. Завтра с утра, завтра с утра, – повторял засыпая. Утром, как всегда, по привычке встал рано. Неугомонная мать уже была на ногах, занималась хозяйством.

– Доброе утро, мама – поздоровался он с ней.

– Доброе, – ответила она, всем своим видом показывая свое недовольство вчерашними его посиделками.

Не желая раздражать ее своим присутствием, а еще больше не желая выслушивать ее недовольство, он быстренько отправился вглубь огорода в хлев, ухаживать за скотиной. У него было два двухгодовалых бычка и корова с телятком. Натаскав каждому по ведру воды, он закончил свои утренние обязанности, заодно и физзарядку. Мать на другом конце огорода, сидя на корточках, косила серпом уже пожелтевшую и высохшую траву. Пока она сидела, повернувшись к нему спиной, он незаметно для нее прошел в восточное крыло дома, не видимое со стороны огорода.

На торце вдоль стены, попирая фундамент, лежали несколько бревен, обвязанных стальной проволокой. На эти бревна он и сел. Вытащил пачку сигарет и закурил. После первой затяжки подступила тошнота, —последствие вчерашней выпивки. Слегка закружилась голова, но затем быстро отпустило. Однако тупая боль в затылке осталась. Теперь надо было обдумать вчерашнее предложение Касыма.

Несмотря на яркие лучи солнца, утро оставалось холодным. Сидя на холодных бревнах и тупо глядя в одну точку, Уктам постепенно убедил себя, что все-таки Касым прав: – Надо что-то предпринимать, на что-то решиться, что-то делать. До каких пор он, здоровый и вроденеглупый парень, будет влачить жалкое существование, дрожать над каждой копейкой, проедая материнскую пенсию? Нет, так не должно быть. Нет, надо решиться. – Тупая боль в затылке не унималась. Когда его позвали завтракать, он докуривал уже вторую сигарету. К тому времени он уже принял решение.

Осенью с наступлением холодов обычно завтракали и обедали на кухне, а ужинали чаще в далане, —в просторном и длинном помещении, совмещенном с прихожей, за просмотром телевизора. Когда он вошел в кухню, за низким столиком – хан-тахтой, на ватных курпачах сидели дети и жена.

– Доброе утро дети, доброе утро жена, – поздоровался он со всеми.

– Доброе, доброе, – закричали на разные голоса дети. Жена лишь кивнула слегка. Сев на свое обычное место, он с чуть заметной улыбкой и добрым взглядом стал разглядывать детей, жену. На жене его взгляд остановился чуть дольше. Она даже не взглянула на него, хотя и чувствовала его взгляд, явно выражая этим свое недовольство. Тем не менее, на душе у него было весело. Ему так хотелось улыбнуться, засмеяться и весело крикнуть:

– Я только что принял бесповоротное решение. Теперь все будет по-другому. Теперь все будет хорошо!

Конечно, он не стал этого делать. —Вечером за ужином преподнесу им «сюрприз», когда и мама будет за столом, – подумал он. —Интересно, как они воспримут это?

Дети как всегда шалили, отказывались кушать, передразнивали друг друга. Жена одергивала то одного, то другого. Он как будто всего этого не замечал. Жена еще больше злилась. Наконец она не выдержала и в сердцах выговорила:

– Что вы сидите как истукан с язвительной улыбочкой или так напились вчера со своим дружкой, что слово не можете высказать?

Он слегка встрепенулся и теперь уже с явной язвительной улыбкой сказал:

– Ты что, женушка, мы вчера совсем не пили.

– И что же вы вчера делали, что от вас ночью за версту перегаром несло?

– Да это так, слегка. Главное мы о многом поговорили.

– И о чем вы говорили, что еле на ногах притащились?

– Ты это брось. Нормально я вчера пришел.

– Ну, ну. И о чем же говорили до полуночи?

– Вечером узнаешь, нет лучше в обед, я сегодня обедать дома буду.

– У тебя сегодня сколько уроков, сможешь приготовить на обед что-нибудь?

– Смогу, — у меня сегодня в первую смену всего три урока. Женское любопытство так быстро затмило женское недовольство, что это удивило и немного порадовало Уктама.

– А теперь мне пора на работу, — сказал он, залпом выпивая успевший уже остыть зеленый чай.

– Вы ничего не ели, поешьте хоть что-нибудь, — беспокоилась она.

– Не хочется что-то.

– Ну, конечно, после вчерашнего, — съязвила она.

Вставая из-за стола, из окна Уктам увидел маму. Она до сих пор еще копошилась в дальнем углу огорода. Она как всегда завтракала очень поздно. Выпроводив всех, ближе к десяти часам садилась кушать. Завтрак ее состоял из небольшого кусочка лепешки, накрошенной в пиалу с молоком. Иногда съедала одно яйцо.

– Скажите, что все-таки случилось, о чем хотите сказать, — еще раз попыталось удовлетворить свое любопытство Джамиля.

– В обед, я же сказал в обед, потерпи еще несколько часов.

– Хорошо.

Не дожидаясь лишних вопросов, он быстро собрался и вышел на улицу. От райцентра до правления колхоза было недалеко, — километра два с половиной. Уктаму обычно нужно было не более двадцати минут. Ему нравилось ходить на работу и с работы пешком. Даже когда знакомые водители предлагали подвезти, он отказывался, предпочитая идти своим ходом.

Выйдя на улицу, он глубоко вдохнул свежего осеннего воздуха и не спеша направился в сторону шоссе, ведущего в сторону правления колхоза «Бостан». На середине пути его догнала Умида, секретарь райса — председателя правления колхоза, девушка бойкая и озорная. Сегодня она почему-то припозднилась, обычно она одной из первых приходила на работу и до прихода других работников успевала прибраться в приемной, разложить все входящие и исходящие бумаги по полочкам, заварить крепкий зеленый чай, приготовленный по особому, только ей известному рецепту.

– Салам алейкум, Уктам-ака, что ж вы еле плететесь, давайте побыстрее, — пошутила она, обгоняя его.

– Салам, Умида, я-то успею, а вот ты что-то сегодня припозднилась.

– Я в хокимияте с утра была по поручению райса, — бумаги кое-какие отнесла.

– Ну, тогда понятно. Беги, беги, а у меня время есть еще, — крикнул он ей вдогонку.

Девяти часов еще не было, когда он вошел в свой кабинет. Там уже сидел Курбан-ака, — табельщик колхоза, и его напарник по кабинету. Это был тучный мужчина лет пятидесяти, с седеющей и лысеющей головой, с заплывшим жиром затылком, с темно-шоколадным цветом кожи. Он всегда казался сердитым, хотя был человек благодушный и добрый. Не поднимая головы, он сосредоточенно пыхтел над какими-то бумагами, даже на приветствие Уктама пробурчал что-то невнятное.

Сев за свой стол, Уктам достал лист бумаги. С минуту подумав, он начал что-то писать. В этот момент Курбан-ака, подняв голову, посмотрел на него, потом перевел взгляд на потолок, усиленно обдумывая что-то. Потом опять склонился над своими бумагами.

– Цифры какие-то на потолке углядел, наверное, —с усмешкой подумал Уктам.

Закончив писать, Уктам направился к выходу, и только тогда Курбан-ака спросил:

– Ты куда?

– К раису, — ответил он, захлопнув за собой дверь.

В приемной на удивление было очень мало посетителей. Обычно в это время там всегда была толпа народу: в основном, своих колхозников, пришедших с просьбой о помощи. Простили самое разное: кому мешок зерна, кому трактор для работы на приусадебном участке, кому помощь на свадьбу сына. Мало ли у колхозника забот, тем более в такое время.

Сегодня их было только двое, пожилая женщина, имени которой Уктам не знал, и старик Розым-ота. Старик был завсегдатаем этого кабинета. Белобородый, невысокого роста, зимой и летом в одном и том же полувоенном кителе с несколькими медалями участника войны. Он по любому поводу приходил к раису. Даже если случайно соседская или какая-нибудь бездомная собака загрызла его курицу, он приходил к раису жаловаться, просил принять соответствующие меры. Склонный был старик, даже жена, прожившая с ним более полувека, люто ненавидела его. Двое сыновей и дочь, жившие в том же кишлаке, стыдились его поступков, но ничего не могли поделать. Все раисы, и предыдущие и нынешний, зная его нрав, старались не спорить и не перечить ему, по-хорошему выпроводить старика. В приемной была еще Умида, —секретарь. Увидев Уктам, она дружелюбно улыбнулась и спросила:

– К раису? Подождите немного, посетитель у него. Сейчас выйдет.

Поздоровавшись со стариком и женщиной, он сел на самый крайний стул. Сама приемная выглядела очень уныло. Стены, некогда выкрашенные в светло-голубые тона, выглядели теперь скорее серыми, местами обшарпанными, с облупившейся краской. Мебель тоже оставляла желать лучшего: шкаф с деловыми папками в углу с прибитым вместо ножки бруском, стол секретаря с облезшим слоем фанеры, и стулья, на которые опасно было садиться.

Благо, ждать пришлось недолго. Дверь кабинета раиса открылась, и оттуда вышел посетитель. Это был мужчина лет сорока, очень хорошо одетый для здешней местности. На нем был серо-голубой костюм, синий в полоску галстук на белоснежной сорочке, импортная шляпа и очень модная куртка. Приветливо кивнув хозяйке приемной, он не торопясь покинул помещение.

Издавна по негласно установленным правилам работники данного учреждения заходили в кабинет начальства без очереди. Так было и в этот раз. Поэтому, когда Уктам направился к дверям председателя, старик дернулся, но потом, не решившись возражать, опять сел на место.

Сам кабинет раиса выглядел чуть лучше остальных помещений правления колхоза. В прошлом году он выкроил немного денег и кое-как привел в порядок помещение после нескольких замечаний со стороны районного руководства. Когда Уктам вошел, раис сидел в своей привычной позе, —левым локтем опираясь на стол, при этом держась большим пальцем и кулаком за подбородок. В его правой руке была сигарета.

– А, Уктам, заходи! Здравствуй, садись. Что у тебя? – спросил раис, отвечая на приветствие.

Это был средних лет мужчина, с небольшой щетиной и зачесанными назад черными с серебром волосами. Пиджак из серой в полоску ткани сидел на нем мешковато, поскольку председатель еще не оправился от недавно перенесенной болезни. С утра раис уже выглядел уставшим. Мешки под глазами, чуть заметная серость лица и невеселый голос свидетельствовали о его еще не совсем окрепшем здоровье.

– Что у тебя? – еще раз спросил председатель, когда Уктам сел на предложенное место.

- Вот заявление написал. На увольнение.
- Не понял. Кто написал? На что? – удивленно поднял брови раис.
- Я написал, хочу уволиться, раис-бобо, – уверенным голосом ответил Уктам.
- Почему? Случилось что?
- Нет, ничего не случилось. Просто я так решил.
- Подожди. Как это так, что значит «просто так решил»? Разве такие вопросы просто так решаются? Ты объясни мне, может, я чего-то не понимаю.
- Что тут объяснять, раис-бобо, вы же сами все прекрасно знаете.
- Что я знаю, Уктамбай?
- Вы знаете, какая у нас зарплата, какие доходы. Разве можно семью прокормить? А у меня трое детей. Они растут, растут и затраты. Я концы с концами не могу свести. Поэтому мне надо что-то делать, что-то предпринимать.
- И что же ты решил предпринять или работу другую нашел с более высокой зарплатой? Насколько я знаю, зарплаты у нас одинаковые, чуть больше, чуть меньше. Это ты и без меня хорошо понимаешь, – спокойно сказал председатель.
- Нет, другую работу я не нашел, но хочу заняться чем-то более доходным.
- И чем же собираешься заняться? – проявил живую заинтересованность раис.
- Хочу заняться бизнесом, точнее торговлей «челночной», – немного смутившись, ответил Уктам.
- Бизнес, конечно, это дело хорошее, но нелегкое. Я бы сказал, даже очень трудное и рискованное, не каждый может этим заняться. Об этом ты подумал?
- Да, подумал, раис-бобо. Знаю, что трудное и рискованное, но надо же когда-нибудь рискнуть. Надоело экономить каждую копейку, зная, что все равно не хватит до следующей полочки. Я еще молодой, голова на месте, руки-ноги есть, —попробую что-нибудь изменить. К тому же друг мне обещал помочь. Он этим давно занимается, и вроде неплохо.
- Ну что я тебе скажу, – задумчиво начал раис. – По логике вещей я как руководитель должен отговаривать тебя, потому что ты хороший работник, хороший специалист, сулить разные блага, хотя и понимая, что выполнить обещания не смогу. Но я не буду этого делать. Не хочу ни тебя, ни себя обманывать. Зачем? О бесперспективности колхозов я знаю, —еще при Советском Союзе не раз об этом задумывался. Но я тебе должен сказать, видимо, уже со следующего года будут большие изменения. Скорее всего, будут создаваться фермерские хозяйства. По крайней мере, слухи такие упорно ходят уже давно. Может, подождешь немного, возьмешь землю, станешь фермером.
- Нет. Спасибо, раис-бобо! Какой из меня фермер?
- Подумай все-таки.
- Думать-то здесь нечего. Я же знаю свои возможности.
- Ну, раз так, что же я тебе могу сказать. Да поможет тебе Аллах в твоих начинаниях! Давай заявление.
- Взяв заявление Уктама, он размашисто расписался.
- А вообще я тебе должен сказать, —ты все делаешь правильно. Будь я немного моложе, возможно, и я бы так поступил. – Немного подумав, он спросил. – От меня какая-нибудь помощь нужна?
- Да, раис-бобо. Постарайтесь, если можно, ускорить расчет. Мне сейчас нужны будут деньги.
- Хорошо. Я дам команду бухгалтерии, чтобы как можно быстрее решили этот вопрос. И сам проконтролирую. Еще что?
- Больше ничего. Спасибо, раис-бобо, – смущенно поблагодарил Уктам.
- Не за что. Ну, давай, будь здоров! – прощаясь, раис протянул руку.

Когда Уктам вернулся в свой кабинет, Курбан-ака все еще сосредоточенно колдовал над своей бумагой. Голова его так низко опустилась к столу, что даже жирные складки его затылка разгладились.

Сев за свой обшарпанный старый стол, Уктам начал собирать вещи. Только тогда Курбан-ака заметил его.

– Ну как? – спросил он.

– Что? – не понял Уктам

– Какое у него настроение?

– У кого?

– У раиса. У кого же еще?

– Да, нормальное настроение, вроде бы. А что?

– Вот бумагу надо была ему еще вчера подготовить, но я не успеваю.

И он опять углубился в свою писанину.

Уктам в последний раз сел за свой стол, стал доставать личные вещи. Их оказалось слишком много. Он все пересмотрел и забрал только записную книжку и ручку.

Встал и пошел к выходу. Уже возле двери он обернулся к Курбану и сказал:

– До свидания, Курбан-ака!

– Что? – переспросил тот.

– Я говорю, до свидания! Я ухожу. Уволился я.

– Как это? Что случилось? Почему?

– Ничего не случилось, все хорошо, – сказал Уктам, хитро улыбаясь.

– Подожди —подожди. С раисом поругался что ли? – обеспокоился Курбан-ака, забыв о своем отчете.

– Я же говорю, —все нормально. Ни с кем я не ругался. Всего вам хорошего, Курбан-ака, – сказал Уктам, торопливо покидая озадаченного соседа по кабинету.

Глава 3

Чтобы быстрее отвязаться от назойливых расспросов Курбан-ака, Уктам сказал, что торопится. Хотя именно сегодня он никуда не торопился. Домой идти сейчас нельзя, – там мать. Она очень удивится, увидев сына, так рано вернувшегося с работы. А объяснять ничего не хотелось. Как он и решил с утра, расскажет о своем решении за обедом, когда дома будет и мать, и жена. Надо была как-то провести эти два-три часа. Как бы он медленно ни шел, и часу не прошло, как он оказался в центре города. До обеда оставалось еще добрых два часа. От нечего делать он направился в сторону рынка. Небольшая улица, по которой шел Уктам, вела к центру. Застроенная одноэтажными, почти одинаковыми, частными домами, она выглядела очень уныло. Особенно сейчас, осенью, когда деревья сбросили листву, а виноградные лозы в палисадниках перед домами были присыпаны землей.

Прошагав метров 300, Уктам вышел на главную улицу города. Она была заметно шире, с тротуаром, засаженная с обеих сторон тополями. Город был небольшой, обычный районный центр с населением двадцать пять-тридцать тысяч человек. В центре на небольшой площади располагалось трехэтажное здание бывшего райкома КПСС. Сейчас это здание Хокимията района. С правой стороны торцом стояло двухэтажное здание бывшего райисполкома. Сейчас там разместились различные учреждения районного масштаба, а с другого торца – двухэтажное здание сельхоз управления района. В центре площади был фонтан из белого с розовыми прожилками мрамора. Но трудно вспомнить, когда он работал в последний раз.

Главная улица, ранее имени Ленина, переименованная в Узбекистанскую, проходила вдоль площади. Противоположная сторона улицы напротив Хокимията была застроена двух- и трехэтажными зданиями. Это были различные государственные учреждения, школа, магазины, даже ресторан. Дальше с обеих сторон шли двухэтажные жилые дома. В двух кварталах от центра располагался колхозный рынок. Туда и пошел Уктам.

Базар встретил его многоголосьем толпы. Хотя день был будничный, тем не менее, народу на рынке было немало. Многие ходили на базар не столько за покупками, сколько пообщаться со знакомыми, поболтать, послушать сплетни, да и просто провести время, —ходить-то большебыло некуда. Городской парк с большим колесом обозрения давно был заброшен и имел вид диких зарослей. Кинотеатр не работал с начала 90-х годов, как только видео вторглось в жизнь горожан.

Осень – пора сбора урожая, в это время на рынке всего было в изобилии. Яблоки разных сортов и оттенков, —от бледно-желтого до ярко-красного. Груши и гранаты нескольких сортов, айва благоухавшая ароматом. Виноград нескольких сортов пирамидами громоздился на прилавках, ящики с фруктами штабелями лежали в проходах, мешая проходу покупателей. В стороне на небольшой площадке были навалены горы дынь и арбузов.

Посреди всего этого многообразия и многоголосья очутился Уктам. По пути встречались знакомые, с некоторыми из них он поддерживал шапочные отношения. Здраваясь и перекидываясь ни к чему не обязывающими словами, он шел дальше. В дверях одного из магазинчиков он случайно столкнулся с одноклассницей Замирой. Некогда пухленькая и веселая девушка стала полной и дородной женщиной, выглядевшей старше своих лет.

– Ой! Уктамчик, привет! Неужели это ты?! Давненько я тебя не видела, – радостно запричитала она.

– Сейчас начнет, —подумал он, досадуя на себя, что пошел в эту сторону.

– Как дела? Как дети? Как жена? – тараторила Замира без остановки. – Что ты здесь делаешь?

Уктам думал только о том, как поскорее закончить разговор.

– Все нормально, все хорошо. У тебя как? Как муж? Как дети?

- Ну как же отвязаться от нее, что же такое придумать, —мелькало у него в голове.
- Очень рад, очень рад за тебя, Замира.

Набрав обороты, она уже готова была начать длинный монолог обо всем и обо всех на свете.

– Извини, Замира, я спешу, —шеф меня послал за покупками. Водитель ждет. Ну, давай! Мужу от меня привет, папе, маме, мы еще поговорим. Ну, пока! – Залпом выговорил он первую, пришедшую в голову отговорку, не давая однокласснице открыть рот.

- Ну ладно, пока, – разочарованно с обидой распрощались она.

«Пронесло!» —подумал Уктам, торопливо шагая мимо одинаковых магазинчиков, стоявших по обеим сторонам тротуара.

Как вдруг его окликнул Добай —пьяница и дебошир.

– Привет, Уктамчик! Как детишки, дорогой? – Криво улыбаясь, приветствовал он Уктама.

Здоровый, коренастый мужчина лет 35, с прокуренными усами. Повидавшая виды черная куртка с чужого плеча надета поверх давно нестиранного свитера.

Запах табака ударил в нос Уктаму. Неподалеку в стороне стояли его друзья, их была четверо. Вскоре к ним присоединился и пятый. Все они были пропойцами и тунеядцами. Весь город их знал. Постоянным их местом обитания был колхозный рынок. С раннего утра они приходили сюда как на работу. Когда-то это были вполне нормальные люди. Но разными путями они пришли к такому образу жизни, а проводник был один – водка. Двое из них —Добай и Кучкар, никогда и нигде толком не работали. Оба несколько раз отбывали наказание. В основном, за хулиганство или мелкое воровство. Другие тоже знали, что такое «места не столь отдаленные».

Алим, когда-то здоровый рослый красавец, спортсмен, занимавшийся вольной борьбой. После техникума работал зоотехником, бычка мог одной подсечкой свалить. Начинал с пустяков, —в обед мог с хозяином коровы, которую он вылечил, по 200 граммов пропустить, потом вечером 200 граммов с другим. И так каждый день, пока не выгнали с работы.

Аташ —еще один член группы, с детства был инвалидом. У него когда-то были хорошие друзья, одноклассники его уважали. В юности Аташ отлично пел. Повзрослев, удачно женился на очень красивой приезжей девушке-татарке. Родились дети. Все было нормально, пока не начал регулярно пропускать по 100 или 200 граммов от безделья.

Или вот Малик, друзья его прозвали Малаем, видимо, за схожесть с татарами. Был он непостоянным членом этой компании. Он был запойный алкоголик. Мог пить несколько недель подряд, а потом месяцами не брал в рот ни капли спиртного. У него была семья, дети. И они его терпели. Как правило, друзья ни с кем не ругались, тем более, никогда не лезли в драку. Они только пили.

Добая Уктам знал еще с детства, жили они на соседних улицах. Настоящее имя его Давлат, а Добаем его прозвали друзья. Мать умерла очень давно. Отцу, простому работяге некогда было заниматься воспитанием Давлата и двоих его братьев. Дети росли сами по себе. В доме хлеб и то не всегда был. Все трое были задиристыми и драчливыми. Повзрослев, начали пить. Еще 18 лет не было старшему, когда их посадили за хулиганство. Каждый из них побывал в местах лишения свободы по 2—3 раза. Между отсидками успевали жениться и разводиться.

Добай был младшим из братьев, но мало чем отличался от старших: тоже раза два был осужден. Правда, в последнее время переменился. Года три назад он дал себе клятву, что никогда не полезет в драку. И что самое удивительное, держал свое слово.

– Ты смотри, как ты вырос, Уктамчик, – улыбаясь во весь рот и обнажая остатки зубов, заговорил Добай. – Мальчик мой, я же помню тебя совсем маленьким. Когда ты был совсем маленький, я тебе змею живую хотел подарить. Помнишь? А ты не захотел, убежал.

- Да помню, Добай-ака.

– Вот придурок нашел, что вспомнить, —подумал Уктам. Что же ему надо от меня? Да ясно же, что ему надо. Вот дурак! —теперь уже себя обругал Уктам с досадой.

– Уктамчик, подкинь мне немного денег, пожалуйста. Голова раскалывается, трубы горят. Сам понимаешь. Перебрал я вчера, наверное, — перешел он сразу к делу.

– Сколько вам, Добай-ака?

– Сколько сможешь, дорогой. Сколько сможешь. Конечно, лучше было бы на пузырь, если есть.

Уктам вынул из кармана 200 сумов и протянул ему.

– Добавь еще чуть – чуть, Уктамчик, если можешь, — жалобно продолжал просить Добай.

Уктам вытащил еще 100 сумов и отдал просителю.

– Спасибо, родной, спасибо! Век не забуду! За твоё здоровье буду пить, дорогой! — стал причитывать алкоголик. Даже блеск появился в его глазах.

– Добай-ака идите, идите. Все, больше у меня нет, — безгласно отстранялся от него Уктам.

Довольный Добай быстро зашагал в сторону своих собутыльников, вызвав заметное радостное оживление среди них.

– Надо быстрее уходить отсюда. Это место не для меня, —подумал Уктам и быстрыми шагами направился к выходу. По пути он все-таки остановился возле горки с дынями, выбрал не очень большую и, недолго торгуясь, купил её. Он вышел с рынка в начале двенадцатого. Домой идти было рано.

– Куда же еще пойти, как провести еще более часа? —думал Уктам, шагая по разбитому тротуару центральной улицы. Как вдруг ему на глаза попала ограда городского парка. Перейдя на другую сторону улицы, он пошел вдоль ограды в направлении главного входа. Площадь перед входом в парк, некогда выложенная бетонными плитами, теперь выглядела как шахматная доска. Сорняк, выросший между стыками плит, четко разделил плиты буро-желтой полосой. Возле главного портала у входа в парк он нерешительно остановился, переложив пакет с дыней из одной руки в другую, минуту подумал и решил идти дальше.

– По-моему больше некуда идти, —подумал он и свернул в парк. В центре площадки был небольшой фонтан, такой же, как у хокимията. Он также был заброшен. Ржавые жестяные банки, осколки битых бутылок и всякий хлам лежали на дне бассейна. Бронза водометов покрылась белой солью окиси.

По центральной аллее Уктам медленно пошел вглубь парка. По обеим сторонам аллеи деревья так разрослись, что теперь парк стал похож скорее на джунгли, чем на место отдыха людей. Кругом была разруха: сиротливое строение бывшего кафе, примитивные давно неработающие аттракционы с лошадками без голов и хвостов, павильоны, заросшие диким кустарником. Все это вызывало уныние и тоску.

А ведь еще несколько лет назад тут все работало. Уктам это хорошо помнил. Вспомнил он, как в семидесятые они всем классом после уроков бежали сюда. Катались на этих самых лошадках, на качелях, стоящих поодаль. На сэкономленные деньги, выделенные родителями на обед, они покупали мороженое и газированную воду. Народу в парке тогда было много. Особенно по вечерам. Вот и кинотеатр в глубине парка, белые стены летнего кинозала. Вспомнил он, что творилось здесь по вечерам чуть ли не каждый день, особенно, когда шел индийский фильм. К билетным кассам невозможно было подойти: давка, крики, ругань, никакой очереди. Столпотворение, одним словом. Уктам подошел поближе к кинозалу, стал обходить его вокруг и увидел дерево —большое тутовое дерево.

– Это то самое дерево, —вспомнил он. Вот с него чаще всего мы смотрели фильмы в открытом летнем кинотеатре.

Он долго ходил по парку и вспоминал разные истории и приключения, которые происходили с ним и его друзьями в те далекие годы.

Бродя в раздумьях и воспоминаниях, он не заметил, как прошло более часа. Спohватившись, он посмотрел на часы. Был уже полдень, —пора идти домой, решил он, и напрямиком направился к выходу.

Глава 4

Когда Касым проснулся, было уже позднее утро. Солнце давно встало и заливало комнату не очень теплыми осенними лучами. Минут десять он еще лежал в постели, нежась в истоме. Спешить было некуда. Жена давно встала, накормила детей, одела их и отвела старшего в школу, а младшего — в садик. Не забыла и про корову с телочкой: накормила, подоила, и только потом, приготовив завтрак Касыму, ушла на работу. Матери дома не было, — она уже третий день гостила у дочери.

В комнате было прохладно, но не холодно. Он не спеша оделся и вышел в сад. Постояв минуты две на солнышке, направился вглубь сада, в сортир. Когда он проходил мимо хлева, корова вдруг замычала, телочка её поддержала, мычанием. Минут через десять он вернулся, умылся и сел завтракать. Перед уходом жена, заботливо собрав завтрак, накрыла его на хантахте в далане. Чайпод ватным колпаком для чайника еще не успел остыть.

Даланы в Хорезме были издавна. Если раньше повсеместно они служили проходом с улицы в заднюю часть двора, где находился огород, сад, хозяйственные постройки, хлев и помещение для птицы, то в последнее время они стали превращаться как бы в общую комнату. Чаще они были закрыты со стороны улицы. Задняя сторона далана оставалась открытой. В старину там держали разную хозяйственную утварь: лопаты, кетмени, вилы и прочее. Там же распрягали осла или лошадь, оставляя арбу или телегу, а вьючный скот отводили дальше в хлев. Держали там еще и дрова или уголь. В общем, это были очень нужные в хозяйстве помещения.

Постепенно даланы стали превращаться в жилые комнаты. В конце шестидесятых — начале семидесятых мало у кого остались ослы или лошади. Народ по немногу стал пересаживаться на мотоциклы с коляской или без. Некоторые стали покупать автомобили, особенно в городах. Тогда даланы стали терять свою актуальность. Сначала там делали летние кухни, потом рядом начали устраивать топчаны. Здесь в далане, если открыть настежь ворота, было намного прохладнее на сквозняке.

К осени, попривыкнув к этому месту, возвращаться в комнаты не хотелось. И тогда начали потихоньку утеплять и стеклить открытую заднюю сторону, менять земляные полы на дощатые. Стены оштукатуривали и отделывали. Таким образом, в течение каких-то пятнадцати-двадцати лет далан из хозяйственного блока превратился в главное помещение хорезмского дома. Теперь это были просторные комнаты шириной четыре-пять метров, достигавшие в длину обычно десяти-двенадцати, а в некоторых домах даже пятнадцати метров.

В семидесятые с приходом в дома природного газа там стали размещать газовые котлы. Если раньше далан находился в торце дома с левой стороны, то теперь он размещался в середине здания, деля дом на две половины — на гостевую половину, с одним или двумя залами и спальную — с несколькими маленькими спальными и ванной. Теперь далан стал и прихожей и общей комнатой и столовой. Здесь завтракали, обедали и ужинали. Всей семьей смотрели телевизор, обсуждали семейные проблемы. Здесь же соседка, заглянувшая за щепоткой соли, могла, засидеться на два часа, забыв, зачем пришла. Одним словом, здесь был центр семейной жизни. В восьмидесятые, в разгар типового сельского жилищного строительства в Хорезмской области, стали проектировать дома и коттеджи с даланами, учитывая местные традиции и обычаи.

Чай, заваренный в термосе, был еще горячим. Отрезав толстый кругляш лимона, Касым положил его в пиалу, засыпал сахаром, залил горячим зеленым чаем. Очистил и съел два сваренных вкрутую яйца с лепешкой, намазанной домашним топленым маслом. Поел немного сливок, макнув в блюдо кусочек лепешки. Завершил завтрак маленькой кисточкой винограда янтарного цвета. Этот сорт назывался «хирмани». Отпив последние два-три глотка чая, он

убрал за собой, прикрыв столик белоснежно-чистой марлей. Накинув на плечи ватный халат – чапан, вышел на пустую и унылую улицу.

Улица была неширокая, некогда заасфальтированная, но теперь вся в ямах и ухабах. По обе стороны улицы были небольшие палисадники метра три шириной. Засажены они были в основном виноградом, но были и другие растения. В обязательном порядке перед крыльцом дома сажали один или два карагача или тополя. Они давали спасительную тень в знойные летние дни. Некоторые, уж очень хозяйственные и бережливые к каждому клочку земли, горожане умудрялись выращивать в этих палисадниках овощи или зелень.

Закурив сигарету, Касым сел на скамеечку, установленную в стороне от крыльца.

– Что-то мать в этот раз долго гостит у сестры, — подумал он. — Раньше такого не было. Так надолго она из дома не отлучалась. Может, случилось что? Надобно, наверное, съездить. Так и сделаю после обеда, если к этому времени не вернется.

У матери их было двое – он и сестра. Растила она их одна. Отца Касым почти не помнил.

Умер он очень рано, от какой-то неизвестной болезни, а может и от известной, просто в то время в подробности не вдавались. Умер и умер, какая разница, от чего. Ему тогда года три было не больше. Сестра была старше на четыре года. Поэтому отца помнила, хотя и очень смутно.

Случилось это в середине шестидесятых. Отец работал на местном кирпичном заводе. В один из ранних осенних дней внезапно заболел, с неделю пролежал дома, потом забрали в больницу, а через пару месяцев его не стало. Как часто рассказывала мама, врачи оправдывались тем, что отца поздно привезли в больницу, если бы не та неделя, которую он пролежал дома, возможно, вылечили бы. Насколько это правда, один Аллах знает. И осталась она одна с двумя детьми.

Горевала тогда, ой как горевала. Но горю не поможешь. Надо было детей растить. Надо было жить. Пришлось ей туго, много испытаний выпало на ее долю. Образования у нее не было, специальности никакой. Через год после окончания десятилетки ее выдали замуж за отца Касыма, с тех пор она нигде не работала, вела домашнее хозяйство. Сначала она работала уборщицей в школе, где впоследствии учились ее дети, потом — в небольшой юридической конторе. В общем, зарабатывала 105 советских рублей. На них она кормила, одевала детей, выделяла кое-что для себя и дала дочери возможность окончить институт. А еще домашнее хозяйство: корова с телочкой, куры, огород. На все на это нужны были силы. Хорошо хоть дочь подросла, через год-два стала незаменимой помощницей.

Касым помнил все это. Жили они очень бедно. Мясо тогда почти не ели, не говоря уже о разных сладостях и конфетах. Колбасу он попробовал только в десятом классе. Одевался плохо. Пиджак, купленный навыrost в восьмом классе, он донашивал и после окончания школы. Впрочем, тогда так жили многие, если не сказать, — все. Окончив школу, он не захотел дальше учиться. Матери и так было тяжело. Сестра его, — Айгуль, оканчивала институт. Мать, как могла, помогала ей. Стипендии в 35 рублей, конечно, ей не хватало, особенно на последних курсах. С большим трудом мать выкраивала ей по 25 рублей каждый месяц. Поэтому Касым долго не думал. Через месяц после окончания школы устроился на работу в местное СМУ, в бригаду каменщиков и бетонщиков. Мать его отговаривала, просила, чтобы он поступил хотя бы в техникум.

– Мама, давай не будем сейчас об этом говорить. Поработаю год, а там и в армию. А когда отслужу, — решим, что делать. К тому времени и Айгуль институт закончит, — решительно сказал он матери.

Так оно и случилось. Через год с небольшим его забрали в армию. Пока Касым служил в армии, сестра вышла замуж за однокурсника. Через два года, отслужив в строительных частях, он демобилизовался. Вернулся домой с деньгами. В то время в строительных частях платили зарплату. За два года набралась немалая сумма, — около тысячи рублей. В то время

это были огромные деньги. Выросший в нужде и в бедности, он знал цену деньгам. Поэтому даже матери он не стал показывать всю сумму. Оставив себе на расходы около 100 рублей, остальные отнес всберкасу и положил на выигрышный вклад.

Целый месяц он болтался, скучая и бездельничая. Друзей в городе не было. Уктам и Рахим учились в Ташкенте, Сабир и Анвар служили в армии. В городе был только Закир-Питкин, но он уже был женат. Полтора года назад он вернулся из армии вместе с женой, служил в Сибири и привез с собой сибирячку. Теперь он был семейным человеком. Работали они с женой на местной швейной фабрике. Правда, сейчас она была в декретном отпуске, полгода назад у них родилась дочка.

Шел 1985 год. Новогодние праздники остались позади. В середине января он устроился на работу. В то же СМУ, где работал до армии. Пока он служил, произошло много разных событий.

Началось все это после смерти генерального секретаря компартии СССР Леонида Брежнева в 1982 году. Года не прошло после его кончины, как по всей республике пошли повальные аресты. Сначала в Ферганской долине и в Бухарской области, а потом и в других регионах массово начали арестовывать председателей колхозов, директоров хлопкоперерабатывающих заводов и даже секретарей райкомов партии.

Потом скоростно скончался первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Шараф Рашидов. Случилось это во время его поездки по области. Ходили слухи, что это было самоубийство. Не успели его похоронить, как пошли уже массовые аресты по всей республике. Арестовывали теперь подряд чуть ли не всех, кто имел дело с выращиванием и переработкой хлопка. Председателей колхозов, бригадиров, заведующих и весовщиков в приёмных пунктах, директоров хлопкозаводов. Потом секретарей райкомов и даже обкомов.

В их районе арестовали нескольких председателей колхозов, При том самых известных, — передовиков сельского хозяйства. С ними вместе пошло немало бригадиров. Арестовали директора местного хлопкозавода и нескольких весовщиков.

Только об этом мало кто знал. По радио и телевидению, в печати это никак не освещалось. Ходили только слухи, а слухи были разные. Говорили о воровстве. Якобы у арестованных обнаружили чуть ли ни миллионы рублей, а найденные у них золотые изделия взвешивали килограммами. Много новых автомобилей, спрятанных под вязанками хвороста или оформленных на родственников или водителей. Странно была одно, почему это начали сейчас, а не раньше.

О подобных хлопковых делах народ знал уже давно. Началось это еще в семидесятые, и участвовали в нем почти все, кто был связан с хлопком. Причинами этого была штурмовщина и показуха. Нереальные, практически невыполнимые планы по заготовке хлопка-сырца, которые определялись сверху. Увеличивая план по сбору хлопка, никто наверху не обращал внимания на истощение земельных ресурсов, на нехватку воды, на эрозию почвы. На самом верху требовали только план по заготовке хлопка-сырца. Их не интересовало, какой ценой это будет сделано.

Вот тогда эту схему придумали ловкие чиновники в больших кабинетах. В то время в колхозах в среднем было по 1200—1500 гектаров посевной площади. Из них под хлопок отводилось более 90 процентов. Оставшиеся 5—10 процентов земель использовались под овощные, кормовые и прочие культуры. Были еще и непосевные земли для выгула скота, бросовые солончаковые или песчаные.

Было несколько способов «нетрудовых доходов», как сказали бы сейчас. Самая простая и наиболее распространенная схема была такой. В колхозах еще отводили землю под индивидуальный личный посев колхозников. Каждому члену колхоза полагалось от пяти до пятнадцати соток дополнительной земли. Называлось это «Кошимча маллак», на этих участках колхозник имел право сажать что хочет. Платили каких-то десять или пятнадцать рублей в колхозную кассу и сажали в основном овощи или кормовые для домашнего скота.

Колхозником хотелось, конечно, побольше земли, потому что и эти десять соток приносили очень высокий доход в семью. Так вот, зная об этом, председатели колхозов выводили из-под учета еще несколько десятин земли. Кроме того в любом колхозе в то время имелось сорок-пятьдесят гектаров неучтенных земель. Естественно об этих землях знали и в руководстве района и в руководстве области. И все неучтенные земли отдавалось в аренду колхозникам, но уже по завышенной цене. Хотя это было 100—150 рублей, но колхознику это было выгодно. Используя эти земли под урожай, он получал доход от пятисот до тысячи рублей, продавая полученную продукцию на местном базаре. К тому же, убрав в июле первый урожай, он еще успевал до ноября месяца вырастить на этом участке джугару или кукурузу на корм скоту.

Таким образом, продав пятьдесят-шестьдесят гектаров неучтенных земель, председатель колхоза получал шестьдесят-сто тысяч рублей неучтенных денег. Большая часть этих денег шла на выполнение плана по сбору хлопка, точнее на подкуп и приписки. Часть оставалось у бригадиров, табельщиков и прочих работников колхоза. Естественно, председатель не обделял и себя.

Скажем, колхозу был определен план заготовки хлопка-сырца в двадцать тысяч тонн. Сбор хлопка начинался в сентябре и шел чуть ли не до середины декабря. Уже морозы трещали, а хлопок все еще собирали и стар и млад. Студенты, школьники, работники, даже стариков пенсионеров каким-то образом выводили на поля. А плана нет. Тогда председатель приходил на хлопкозавод к директору, и в приватной беседе за пиалой зеленого чая они договаривались обо всем. Недостающие тонны хлопка чудесным образом появлялись. Небольшой портфельчик, случайно забытый председателем колхоза, возвращали ему на следующий день пустым. В самом начале, когда все это только начиналось, этим занимались бригадиры и весовщики заводов. На должность главного весовщика подбирались люди надежные и преданные, утверждал их непосредственно первый секретарь райкома.

В то время в народе ходила шутка-притча:

Вызывают в райком партии кандидата на должность главного весовщика для утверждения. Первый секретарь райкома партии спрашивает у него:

– Какое у тебя образование?

– Незаконченное среднее.

– Арифметику знаешь? Считать умеешь?

– Умею.

– Лучше всего, что у тебя получается?

– Деление.

– Понятно, – уже смягчившимся голосам говорит первый секретарь.

– Знаешь ли ты, что, возможно, года три или четыре тебе не придется есть свежий урюк и тутовник.

– Конечно, знаю, – обреченно отвечает будущий весовщик, заранее зная, что через год или два его посадят.

Но уже в восьмидесятых председатели колхозов и директора заводов взяли все в свои руки. Если раньше они свою долю получали от весовщика, то теперь весовщик получал от них свой «заработок». Только в одном районе за сезон крутилось несколько миллионов рублей. Часть этих денег оседала в карманах бригадиров, председателя колхоза, директора завода, весовщика, работников контрольных и правозащитных органов и вышестоящих лиц, включая первых секретарей райкома.

Определенная часть отправлялась в далекую Россию в города Иваново, Кострома, Рязань и другие, где было развито текстильное производство. Экспедиторы, опечатав пустые вагоны, отправляемые в эти города, ехали вслед с увесистым портфелем, набитым купюрами с портретом Ильича. Там они договаривались с представителем принимающей стороны, как правило, это был сам директор текстильной фабрики или его доверенные лица. Передавали ему неболь-

шой презент в виде корзины с фруктами от тружеников солнечного Узбекистана. Переложив из корзины в вазу красные гранаты, янтарный виноград и алые персики, директор или его представитель случайно обнаруживали на дне корзины аккуратно завернутую пачку купюр. Это было одной из схем, были и другие.

Такое положения вещей устраивало всех. Все получали выгоду, даже простые колхозники. Выгодно это было и горожанам.

Потому что все было дешево, если бы колхозники не покупали и не возделывали бы эти дополнительные сотки, то овощей и фруктов, выращенных на приусадебных участках, хватило бы только на свою семью. А то, что выращивал колхоз на плановых пяти процентах, отведенных под овощи и фрукты, просто сгнивало бы на складах. Получалась настоящая круговая порука, поэтому все молчали.

И когда все это выплыло наружу, разумеется, по команде из Москвы начались аресты. Заработала карательная машина правосудия. Пошли судебные процессы. Машина работала исправно и бесперебойно. Мелким сошкам, вроде бригадиров и другой мелочи, отмеривали от трех до пяти, крупным – от восьми до пятнадцати, а нескольким из них – расстрел. Люди в основном жалели осужденных. Народ же у нас сердобольный. Больше обсуждали их палачей, спорили, кому из них, сколько перепало от конфискованного. Поделились ли с местными правоохранителями Гдлян и Иванов —главные экспроприаторы, присланные из Москвы, или все забрали собой в столицу СССР. Какую часть оставили для себя, и какую часть отдали государству.

В этих бесконечных спорах то утихающих на некоторое время, то опять вспыхивающих, с началом очередного процесса люди склонялись к тому, что большая часть экспроприированного все-таки ушла в Москву. Но были и злорадствующие —так им и надо этим ворюгам. Мало им этого, расстреливать надо таких. Как при Сталине – говорили они уверенно и безапелляционно.

О чем ты говоришь? Что они тебя плохого сделали? Нормальные были люди, —заступались за них другие. Даже в бригаде у них мнения разделялись, как и везде.

Молодой энергичный каменщик Гани, выступал, яростно обличая арестованных:

– Так им и надо этим хапугам! Все они воры и подлецы. Что они хорошего сделали для народа? Только для себя, для своих жен и для своих детей.

– Правильно говоришь Гани! А еще и для любовниц. У каждого из них, подонков, было не по одной, —поддержал Гани его друг и напарник Ариф.

– Тебе лично или ему —Арифу, что они плохого сделали? —заступался за них плотник Исмаил-ака, – мужчина лет пятидесяти плотный, коренастый, с огромными мозолистыми лапищами.

– Вообще-то ничего не сделали. А что? Что они могут сделать лично мне? Я их не знаю.

– Тогда зачем напраслину на людей возводишь? Тем более если ты их знать не знаешь. А я вот знаю некоторые из них. Есть среди них хорошие люди и немало таких. Вот, например, Мавлян-ака Раимов. Что он плохого сделал? Всю жизнь работал как вол, никому плохого никогда не делал, только хорошее. Сам из того колхоза, где он председательствовал, родня вся моя там до сих пор живет. Я сам жил в этом колхозе до тридцати шести лет, пока квартиру в городе не дали. И вот что я тебе скажу: в колхозе том живут более шести тысяч человек, и ни один человек из этих шести тысяч не скажет ни одно плохого слова про Раимова. Даже сейчас, когда его посадили. Все знают, сколько хорошего он сделал для колхоза и для колхозников. Больше двадцати лет он там работал. Из самого отсталого вывел в передовики.

– Я помню, когда он пришел председательствовать в наш колхоз. Тогда я был молодым парнем, мальчишкой. Было это в середине шестидесятых годов. Колхоз был самым отстающим из отстающих. Сказать, что люди там жили бедно, – это ничего не сказать. Колхозники чуть ли не нищенствовали. Электричество уже почти везде было, а в нашем колхозе в большинстве

домов не было. Раимов поднял колхоз чуть ли не из руин. Когда назначили его райсом, никто не думал, что он так долго проработает. До него за шесть лет четверых райсов сменили. «Этот тоже год или два проработает и тоже убежит, или снимут», — говорил народ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.